

Ирина Туманова

ОН И ОНА

Ирина Туманова

Он и она

«Издательские решения»

Туманова И.

Он и она / И. Туманова — «Издательские решения»,

«Он и она» — книга, которая обязательно произведет впечатление на читателей, запомнится. Тонкие остроумные наблюдения и размышления сильной очаровательной женщины будут интересны и женщинам, и мужчинам. Женщины найдут в строчках Ирины Тумановой мысли и чувства, созвучные их собственным, а у представителей сильной половины человечества появится возможность разгадать, наконец, тайну женской души, женского очарования и женской власти над сердцем мужчины.

Содержание

Часть первая	6
«Бродит молчаливый день...»	6
«Он живет совсем недалеко...»	7
Я и Ты	8
«Я люблю разговаривать с людьми...»	9
«Мужчины...»	10
«У него всегда было множество...»	11
«Она мыслями уже была...»	12
«Любя такое количество женщин...»	13
«Мне нравится гулять...»	14
«Хорошо и светло становится...»	15
«Сегодня, наверное, первый...»	16
Вечеринка	17
Сомнение	18
«В основном, все живут одну жизнь...»	19
Картошка	20
«Он, похоже, старше моего отца...»	23
Праздники	24
Ничего не менять...	25
«Они иногда встречались...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Он и она

Ирина Туманова

© Ирина Туманова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Она говорила «мой»,
Он ей шептал «моя».
Однажды в какой—то год
Смеялась до слез луна.*

Часть первая

Рассказы, черновые наброски

«Бродит молчаливый день...»

Бродит молчаливый день.
Словно прохожий,
заползает утром в постель.
В паутине глупых тем, линий несхожих,
тело занесло на мель.
Выплываю на песок,
все зовет и манит,
Райский куст в долине цветет.
В рукавах застряла ночь,
скрыться не может,
день за днем украдкой ползет.
Малиновый рассвет встает.
Мне на плечи наступил день,
что не прожит, прожитого – серая тень.
Пuls играет струной, бежит из кожи,
серебрится в дождь капель.
Через крыши вижу свет,
стены так прозрачны,
что к чему, взгляд не поймет.
Новый день прогонит
ночь радугой в тумане,
луч прорвется, солнце взойдет.
Малиновый рассвет встает.

«Он живет совсем недалеко...»

Он живет совсем недалеко
от этой женщины и видит ее
непонятную многим жизнь.
Что бы она ни говорила, ему нравится.
Хотя она может обидеть слишком
больно подмеченной реальностью.
Очень-очень часто смеется он
от сказанного ею, как ребенок,
или плачет. Он играет? Зачем?
Говорит, все это умно.
Ну к чему ему лгать?
Возможно, это только ему
так нравится все, что она думает.
Сомнения вокруг нее появились
еще до рождения. Сомнения не
могут без этой женщины жить.
Они пропитали воздух вокруг,
он измучился разгонять
эти бесстыжие существа.
Она иногда начинает верить ему,
что, как хрупкий цветок,
хороша в своей утонченности,
мыслях необычных
и мелодиях незатейливых,
но, подобно лепесткам, временами
сникает в своих сомнениях.
Ему нельзя быть далеко!
Цветы не оставляют...

Я и Ты

Сначала я так и думала,
просто мне казалось —
это я, реальная! А это он,
неожиданно возникший,
самый желаемый и нежный,
загадочный, еще не понятый,
но уже с появлением первых
стихов уходящий...
Это как магия: есть любовь,
причиняющая нестерпимую боль,
но нет стихов. Появляются стихи,
уходит боль, ты исчезаешь в ином
пространстве страниц —
Ты и Я, это оказалось гораздо
больше, чем просто мы...
Возможно, это те двое,
что идут навстречу, обнявшись,
по другой стороне улицы,
и их путь так не похож на наш.
Никто из них не напишет стихов,
они пройдут мимо, не разжимая рук.
Возможно, это старик и старушка,
они, не обращая внимания
на московскую грязь,
выползают на солнышко,
посидеть плечо к плечу
все на те же Чистые
или Патриаршие пруды
и улыбаются своими морщинистыми
лицами всем влюбленным на свете.
Или это те, не чужие мне дети,
которым давно уже кажется,
что про любовь уж им то известно
все лучше, чем мне, эти дети
уверены: они взрослее взрослых
и мудрее мудрых.
Просто, в силу каких-то законов
получилось, что моя любовь
и мой «ты» оказались близкими
и понятными всем этим
разным людям вокруг.

«Я люблю разговаривать с людьми...»

Я люблю разговаривать с людьми
на улице, в магазине, спрашивать совета,
сочувственно кивать головой.
Меня за это всегда ругают мои близкие,
им, видно, стыдно за мою неожиданную
словоохотливость.
Ни к чему не обязывающая болтовня
порой бывает весьма интересна.
Некоторые темы оседают в мозгах
и потом еще какое-то время
там пульсируют. А вот с гостями,
старыми друзьями и родственниками
не просто. Лучше молчать.
После последнего прихода гостей
я вообще не могла вспомнить,
да и о чем собственно?.. Кто был?..
Нет, я не была пьяна,
я вообще была за рулем.
Научилась я все-таки с годами
(хвала психологам)
выстраивать блоки и защиты...
Но чтобы вообще гостей не заметить...
А вот на улице поговорить люблю.

«Мужчины...»

Мужчины...

Если их делят на однолюбов

и бабников, то это не верно.

Ни один однолюб не уделяет весь

свой внутренний мир ей одной.

Порой присутствует еще более
сильная, чем у бабников, страсть.

Это или любовь к шикарным
автомобилям, или влюбленность

в некий свой спорт, возможно,

охота, рыбалка... Как часто для

художников и музыкантов холсты,

краски и звуки затмевают ее,

ту единственную, возможно,

изначально и музу...

«У него всегда было множество...»

У него всегда было множество
женщин. Что в нем такого
особенного, нет же, они сходили с ума!
Многие знали про существование
друг друга, страдали и ревновали.
А он – преуспевающий,
уверенный в себе, веселый.
Да нет, не нахал, даже, пожалуй,
наоборот. Добрый, женат,
очень внимателен. Но, нет, не мог
он без них, таких разных...
Водоворот, жизнь бьет ключом,
он герой...

«Она мыслями уже была...»

Она мыслями уже была
где-то очень далеко.
Ловила машину
и собиралась уезжать,
оставляя его одного на
автобусной остановке.
Тысячи раз он делал то же самое,
оставлял их, стараясь
не смотреть в те глаза.
Оправдываясь, что это
не от него зависит,
такая, видно, судьба и тому подобное.
И вот, сейчас она говорит
ему его же привычные
дежурные фразы.
А он готов разрыдаться
как ребенок, только бы не отпускать
ее больше никогда в никуда,
в эту чужую и закрытую
для него жизнь.
Кажется, каждая из тех,
кого он так же безжалостно
оставлял в ночи, каждая
готова была бы стать его женой.
А вот сейчас в мужья-то его и не хотят.
Она еще будет у него какое-то время,
и он сможет говорить ей: «Моя!».
Но уж слишком она свободная.
Не все грани ее многогранности
в силах ему охватить.
Такси уезжало в ночь,
он еще долго стоял
на автобусной остановке.

«Любя такое количество женщин...»

Любя такое количество женщин,
он успевал еще о них и заботиться.
Он не стеснясь говорил:
«Мне нужно в больницу к N...».
Целовал на прощание и убегал.
Если что-то покупал, то глобально,
например, сразу трех кур.
«Надо завезти девочкам,
ведь я теперь с тобой,
а жизнь сейчас такая тяжелая».
Очень, очень порядочный мужчина.

«Мне нравится гулять...»

Мне нравится гулять
с Катей по субботам.
Это некая новая форма
общения, возникшая благодаря
обоюдному молчаливому желанию.
Она и в пятницу прибегает
пораньше, зная, что я дома одна
сражаюсь с хозяйством.
Нет, так каждый день для нее,
подростка упрямого, было бы много,
ей нужна тусовка.
Было бы больше фальши,
если бы я для себя просила
больше дней и минут...
А тут я иногда даже слышу,
как она с гордостью
заявляет по телефону:
«Я сегодня с мамой»,
«нет, не могу, мы
с мамусиком ужинаем»,
«тише, не звоните по домашнему,
у меня спит мама».
А я утром в субботу,
как самая счастливая
курица на свете,
хожу на цыпочках, чтобы не разбудить
своего, пока еще бесконечно
растущего, ребенка.
Жарю напрасно сырники,
которые будут
заменены пиццей, суши,
Айс ти или *колой*.
Охраняю сон самого любимого
на белом свете,
ленивого, пока еще школьника.

«Хорошо и светло становится...»

Хорошо и светло становится,
когда я успокаиваюсь
одна в своей комнате.
Никаких технических шумов,
человеческого гула.
Открыто окно. Мне не холодно,
кажется, наконец, пришла
настоящая весна,
хотя снег тает медленно.
Проснулись мухи,
вчера видела комара.
Сегодня первый раз перед
закатом слышала пение птиц.
Капель даже ночью, значит,
наступил устойчивый «плюс».
Вдалеке, за лесом, иногда —
шум поезда. Рыжий кот обнаглел,
требует одну пачку *Вискаса* за другой.
Я выгнала его гулять, пусть
начинает ловить мышей.
Сегодня тревоги нет.

«Сегодня, наверное, первый...»

Сегодня, наверное, первый
теплый выходной этого года.
Трудно понять,
запоздалая весна или уже лето.
Люди в сапогах и пальто вчера еще
смешными не казались,
а сегодня это так нелепо...
За секунды появились яркие краски...
Открытые топы,
туфли, исчезли шапки...
Но людей слишком много,
слишком долго ждали все тепла.
Я оказалась не готова
к такому потоку на улицах.
Гул заполнил всю голову.
А лица людей всего лишь
в метре от меня стали искажаться
в странные гримасы
из Королевства кривых зеркал.
Скорее всего,
люди улыбались, шумели
и кричали от нормального
весеннего возбуждения.
Мне же казалось,
что они рычат и воют.
Я почувствовала тошноту
и слабость в ногах.

Вечеринка

Вино, оливье, бесконечные
ненужные разговоры, друзья,
пары, флюиды.
У некоторых так всю жизнь,
а у других так когда-то было,
потом надоело.
В этот вечер она почувствовала
к мужу К. замечательнейший,
волнующий трепет.
Муж К. мгновенно это понял.
К. смеялась, танцевала, пела,
возможно, тоже распространяя
вокруг себя всевозможные флюиды.
Но он – каков...
Столкнувшись с ним в тесном
коридорчике малогабаритной
квартиры в районе туалета,
Он держал одной рукой
дверцу туалета, где была его жена,
и при этом невозмутимо
целовался с ней. Да, они герои,
на высоте, всех обвели
вокруг пальца... Они еще
долго беседовали о разном,
чувствуя себя победителями.
Но вдруг одновременно
замолчали. Да, они были
слишком умны, проницательны,
красивы, молоды и эгоистичны.
В соседней комнате давно
не звучала музыка.
Оттуда никто не выходил и
было очень тихо, там целовались
его жена и ее муж.

Сомнение

В разряд грехов
я отнесла бы это состояние.
Как много встреч ненужных,
унизительных звонков.
Вопросов глупых, тех,
что задаем мы сомневаясь...
Нелепо вдруг краснея, извиняясь,
потом, терзая нервы, ночь не спим.
Секунды дня листая,
опять себе цены не зная,
все то, что сделано
с таким трудом —
единым росчерком пера сметая.
Вновь направления меняя,
теряя время...
Многое теряя, а что потом?
Вновь утром – озарение!
Ведь было хорошо!
Верь сердцу своему!
Искорени сомнения!

«В основном, все живут одну жизнь...»

В основном, все живут одну жизнь.
Мне приходится проживать
две в одном дне.
В мире людей деловых
с их привычками, традициями,
стилем, сленгом, ритмом,
запросами, капризами,
с их хорошим всем и всем плохим...
В мире людей творческих или,
как говорят, не от мира сего,
с их привычками, традициями, стилем...
На границе двух миров
страшно хочется спать.

Картошка

Я уже собиралась ложиться спать.
Вдруг позвонила моя приятельница
по работе. Дама – огонь, вечно
вся в партиях, профсоюзах и мужчинах...
– Ну, миленькая, ну пожалуйста,
у нас в конторе новенький, короче,
тут маленькая компашка, да,
уже поздно, но расходиться не хочется,
такие ребята..! Мы выпьем чайку...
Хочешь, ты вообще ложись спать,
мы на кухне поболтаем и разойдемся,
завтра мы все равно уезжаем на картошку.
Кстати, а ты не едешь?
Слушай, ну пожалуйста,
я тебе новенького покажу,
и мы уйдем. Да, да, да...
– Только побыстрее, хочу спать —
Вот они уже сидят на кухне
снямой мною квартиры.
Л. чистит картошку и селедочку.
В. пытается найти штопор
в пространствах полной пустоты.
Я слишком недавно нашла это гнездышко.
Не обжилась еще, знаете ли...
На кухне чайник, в комнате матрац.
С одной стороны, я всегда дико
сдержана в эмоциях,
с другой стороны, каждое
сказанное мною слово вызывает
взрыв хохота.
Они явно воодушевились,
Л. шепнула мне на ухо, что все супер.
Совершенно неожиданно
этот хваленый новенький К.
посмотрел на меня и встал
из-за импровизированного стола
(доска на табурете).
Чтобы его выпустить,
мне тоже пришлось встать.
Да, он явно намеревался
выйти в коридор, но мы смотрели
уже друг на друга, не отрывая взглядов.
Он вышел, держа меня крепко за руку...
Все тактично промолчали,
а потом долго что-то говорили

нарочито громко.
Он был удивительный.
Я не знаю, когда все разошлись,
мы из комнаты с К. не выходили.
Я очень пунктуальный человек.
Услышав краем уха что-то
про всеобщий отъезд на картошку,
я машинально поставила
будильник на шесть утра.
Если честно, я не очень-то
и запомнила, как его зовут,
не говоря уже о фамилии.
Будильник звенел как майский гром.
Мы сидели на моем единственном
матраце и с удивлением,
нежностью и юношеским восторгом
смотрели друг на друга.
– Сударь, вам уезжать, страна зовет.
Долго стояла, прислонившись
к косяку двери и слушала,
как шумел в сонном доме
уплывающий лифт.
Две недели спустя я сидела
у себя в офисе, день только начинался.
Дверь с грохотом отворилась.
Такой возбужденной своей
хорошей подруги В. я давно не видела.
Она вся светилась. Видно, выезд
на картошку ей пошел на пользу.
Она захлеб начала молотить
про картофельные дела.
Мол, скука была смертная,
одни старперы.
– Нет, ты слушай, ты ведь не знаешь,
у нас в конторе новенький,
он только устроился на работу,
его сразу на картошку и отправили.
Не... Это отпад. Если бы не он,
тоска была бы вселенская.
Я молча слушала, немного сильнее,
чем хотелось бы, билось сердце.
Подруга В. щебетала, ей казалось,
что она влюблена, оказывается,
К. не женат и вообще, это
действительно, наконец-то, то,
чего она так давно ждала.
Ее голос звучал где-то вдалеке,
в моих ушах шумело море,
если бы меня попросили встать,

вряд ли я смогла бы это сделать.
В. не замечала того, что
творилось со мной.
Да, воля у меня как у истинных арийцев.
Дверь открылась, и вошел Он...
Взглянув, я поняла, что наши встречи,
так неожиданно начавшиеся, еще будут.
Я – это Я...
В. вскочила, защебетала еще громче
и стала нас знакомить.
Мы добросовестно это сделали.
У него оказалась вполне звучная фамилия...
Мы встречались еще пару раз,
но и с В. он встретился не более
все тех же двух раз.
Он просто был молод и красив.
Он любил множество красивых девчонок.

«Он, похоже, старше моего отца...»

Он, похоже, старше моего отца.
Дьявол, рядом с ним бегут
по спине мурашки и слабеют ноги.
Давно такого не было.
Хочется принести ему
нитроглицерин,
а потом заняться любовью...

Праздники

Он поступил не честно.
Всегда говорил, что женат,
а это означало, что она не несет
никакой ответственности за его жизнь.
Она только маленький или,
уж если ему так хочется,
очень большой праздник.
И вот тебе на...
Оказывается, они давно
хотели развестись и лишь
из-за дочери этого не объявляли
своим родственникам.
И вот теперь, так как ему очень
понравились их маленькие
и большие праздники,
он созрел и всенепременно
решил на ней жениться.
Кошмар! Да, праздники —
и для нее тоже праздники,
и там нет никакой фальши.
Но есть еще очень много
поглощающих ее разностей,
кроме их праздников,
неприкосновенное...
В какой-то мере это ее трудности
и ее свобода одновременно.
Зря изначально он не сказал
всю правду о себе, зря...

Ничего не менять...

Обычно он ждал ее на перроне...
Стоял у первого вагона
в своем стильном пальто,
с дипломатом, читал газету.
Это случайность, что жили
они на одной ветке метро.
Здорово, можно было
чаще видеть друг друга.
Она работала дальше от метро
и появлялась на пару поездов позже.
Чаще была одна,
иногда с кем-то из сослуживцев.
Они молча ловили взгляды друг друга,
остальное – не сегодня.
Смысл дня:
проехать в метро в одном
вагоне, такая вот маленькая тайна.
У другого дня тайна будет другая.
Они, тихо раскачиваясь в такт поезда,
смотрели друг на друга
поверх голов и газет.
На следующей остановке заходила
в вагон его жена. Он целовал ее в щеку,
брал из рук сумку,
они что-то начинали обсуждать.
Он продолжал спокойно и тихо
смотреть поверх голов и газет.
В другом конце вагона ему
отвечали таким же
всепонимающим взглядом.
Через одну – его остановка,
она ехала дальше.
Им было хорошо и спокойно.
Поболтать по телефону можно
будет завтра во время работы.
**Ничего не хотелось
менять в своей жизни...**

«Они иногда встречались...»

Они иногда встречались
после работы, просто чтобы
прогуляться и поговорить.
Им было интересно вдвоем.
Одинаково ощущали биение улиц,
наблюдали жизнь и испытывали
определенную взаимную нежность.
Большого количества времени
для прогулок у них не было,
иногда весь вечер
просто молчали, но это
окружающим могло казаться,
что они молчат. Внутренний голос
говорил непрерывно.
Иногда становилось весело,
они смеялись. Гуляли по
бульварам, сидели в парках,
ходили вдоль набережной
Москва реки. Полуобнявшись,
держась за хлястики джинсовых брюк,
они выглядели как подростки,
хотелось шалить,
немного кричать
и целоваться под желтым фонарем.
Ведь если ты уже взрослый,
совсем не значит, что тебе нельзя шалить,
например, пинать ногой камушек
или говорить всем прохожим:
«Добрый вечер!»
Совершенно неожиданно
он сделал легкое
отталкивающее движение.
Нет, нет, не так, чтобы упасть.
А чтобы произвольно
сделать шаг в сторону.
Он всегда был необычайно внимателен,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.